

Глеб Иванович Успенский

Хочешь-не-хочешь



НОВЫЕ времена, НОВЫЕ заботы

Глеб Успенский

Хочешь-не-хочешь

«Public Domain»

1873

Успенский Г. И.

Хочешь-не-хочешь / Г. И. Успенский — «Public Domain»,
1873 — (Новые времена, новые заботы)

«... В очерке намечена одна из основных тем всего цикла – тема «болезни русского сердца». Так Успенский определяет моральное состояние, которое было характерно для различных слоев русского общества пореформенной поры, в особенности для интеллигенции. Успенский показывает, что падение крепостного права было вместе с тем «отменой целой крепостной философской системы». Оно способствовало пробуждению в массах «новой, светлой мысли», вступившей в борьбу с унаследованными от прошлого понятиями и привычками. ...»

© Успенский Г. И., 1873

© Public Domain, 1873

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| I | 5 |
| II | 11 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 12 |

Глеб Иванович Успенский

Хочешь-не-хочешь

I

Заговорив с читателем о некоторых как бы случайных проявлениях «сущей правды» среди насыщенной всевозможную тяготу современной действительности, я возымел намерение остановиться на этих проявлениях поподробнее и с этой целью, как и всегда, обратился за материалом к единственному моему источнику – моей памятной книжке. И что же? Несмотря на то, что книжка эта представляет собою самую беспорядочную кучу разных заметок, вырезок, выписок, набранных случайно и на лету, кое-где и кое-как, записанных тоже как пришлось и чем пришлось (один раз даже шпилькой, а раза два спичкой), – несмотря на все это, то есть на беспорядочность и отрывочность всего попавшего в мою книжку, вся эта безалаберная куча в конце концов убеждает меня, что в проявлениях того, что я позволил себе назвать «сущей правдой», не только нет ничего случайного, но, напротив, – и именно в настоящее время, – повсюду обнаруживается усиленная жажда ее, этой самой сущей правды, что именно теперь, когда романиста начинает заменять зоолог, когда патентованные сердцеведы находят возможным определить самые трудные минуты в жизни современного человека выражением «просто свинство», когда – в подтверждение доведенных до такой простоты взглядов на человеческую породу ежедневная действительность то и дело выдвигает факты, как нельзя лучше подтверждающие, что человек действительно – зверь, животное, достойное только холодного изучения зоолога, именно в такую-то минуту это доказанное и выясненное животное никогда не болело так *сердцем*, как теперь. Безалаберная и растрепанная книжонка моя необыкновенно упорно старается доказать мне, что именно *это* и есть новое, настоящее, то есть заправское в настоящее время; что человек если и не изжил в себе зверя, то во всяком случае узнал, что, действуя только во имя *себя*, во имя *своей* берлоги, *своей* породы, *своей* силы, захватывая для себя – кулаком, мечом, хитросплетенным законом – все, что подходило ему под руку, и разгоняя направо и налево все, что ему мешало, он хотя и достиг полной независимости в своей берлоге, но оказался один-одинешенек, потерял смысл и интерес жизни и почувал, что для того, чтобы ощущать жизнь, ему надо волей-неволей выползти из этой берлоги, идти к тем «другим», которых он разогнал от себя и которых согнул перед собою в три погибели; дать место в своем сердце новому ощущению – любви к этим «всем», «другим»... Почувал, что это необходимо сделать волей-неволей, что без этого он – нищий с пустою, хотя и золотую сумой и что без этого жизнь – не жизнь, а только *заживание* века, начинающееся с самого дня рождения.

Таковыми чертами можно определить современную болезнь звериного сердца, впрочем только там, где возможны самые характерные и резкие проявления этой болезни, а именно – на западе Европы. В странах, где человек-зверь для собственного своего благополучия сумел проделать все, что зверю проделать возможно, где этот человек не церемонился, именно только во имя своих личных удобств, сотни лет губить целые поколения, не поморщив бровью, – здесь явления нищего с золотой сумой начинают обнаруживаться хотя и не столь повсеместно, но зато с поразительной ясностью. Потомок древнего рода, сотни лет воевавшего во имя одного только права личного благополучия своей породы, этот потомок в наши дни, получив в свои молодые руки плоды долгой и упорной борьбы своих предков, делаясь обладателем накопленных ими богатств, угодий, покоя, полной возможности собственного счастья, вдруг обнаруживает отсутствие appetитов, завещанных предками, чувствует кругом себя пустоту и бессодержательность жизни в раззолоченной берлоге и не видит другого исхода для своего жаждущего жизни сердца, как уйти из этой берлоги, проникнуться сильными, долгими, ежедневными стра-

даниями других. Факты такого рода во всей поучительной чистоте встречаются на Западе, среди наиотборнейших человеческих пород; правда, они еще довольно редки, но зато неизбежность их повторения делает эти редкие факты в высшей степени поучительными и весьма ясно рисующими будущее.

На Руси факты заболевания сердца «сущою правдою» встречаются не только не реже, чем там, у заправских зверей, но напротив, как утверждает все та же растрепанная книжонка, – составляют почти всеобщее явление; захватывают почти сплошь весь неплательщичий мир, да и к плательщикам иной раз перебираются. Но при таком сплошном заболевании движение во имя сущей правды в общем не имеет у нас той чистоты, ясности, естественности, какую имеют факты подобного заболевания на Западе, – а постоянно или по крайней мере очень и очень часто включает в себе подмесь совершенно не идущих к сущности движения осложнений, подмесь иной раз просто скверную или просто смешную... Такие червоточины в движениях отечественной мысли происходят, разумеется, всё от того же «случая», о котором уже было обстоятельно говорено в предыдущем очерке и который не только властвует над отечественным карманом, но распоряжается и совестью. Сегодня вдруг, неожиданно, делается не только возможным, но прямо обязательным то, что еще вчера считалось не только необязательным, а прямо невозможным, противозаконным. Таким образом оказывается, что как бы ни было хорошо это ставшее возможным нынче и невозможное вчера – в самый день появления его на белый свет в нем уже есть червоточина – принудительность; запрещая вчера, оно сегодня начинает гнать к тому же, вчера запрещенному; появляясь внезапно, оно застигает постоянно врасплох даже друзей своих, и потому над всем этим внезапно поднятым народом постоянно висит «хочешь-не-хочешь». Стало быть, именно во «внезапности» разного рода возможностей лежит причина как того что всякая хорошая и дурная возможность сразу захватывает громадную уйму народа, так и того, что народ этот, вообще *погоняемый* к новой возможности, в большинстве вовсе не приготовлен к ней, не нуждается в ней и плетется за нею хочешь-не-хочешь; широкое и большое, по количеству захваченного народа, движение осложняется присутствием множества ненужных элементов и вообще не имеет той естественности, неизбежности, чистоты, какими отличаются подобные же, хотя и редкие явления на Западе.

В настоящей «болезни русского сердца» – болезни, составляющей самую видную черту нашего времени, – главную существенную роль играет, разумеется, отмена крепостного права, то есть отмена целой крепостной философской системы. Для огромного большинства русских людей на другой день по освобождении крестьян оказалось необходимым ввести в собственное сознание такие понятия, которые вчера еще были совершенно ненужны, а сегодня сделались необходимы. Оказывалось необходимым дать место в своем сознании идее равноправности, идее, которая вчера была преступлением; оказывалось необходимым признать неизбежность труда, допустить вмешательство правды в человеческие отношения. Понятия равноправности, труда внезапно и неожиданно вторглись в сознание громадных масс народа, предстали перед помещиком, перед портным, который шил на помещика, перед ямщиком, возившим в город, перед хозяином постоялого двора, перед трактирным служителем, угождавшим барину, перед чиновником, хлопотавшим за него в судах, перед женой чиновника, его сыновьями, дочерьми и т. д. и т. д. – до бесконечности. И весь этот народ, еще вчера не знавший о существовании этих новостей, сегодня должен был знать, что эти новости и суть «настоящие», а та философия, которою он жил, – не заправская, не настоящая... И вот является неисчислимая масса народа, обязанная «думать» об этом неожиданном новом и жить во имя этих новых понятий, обязанная непременно носить их с собою каждый день и каждый час... Ясно, что это народ – большой «сердцем», непременно больной, потому что в общем над всей этой кучей висит неизбежное «хочешь-не-хочешь».

Большого художника, с большим сердцем ожидает полчище народу, заболевшего новою, светлою мыслью, народа немощного, изувеченного и двигающегося волей-неволей по новой

дороге и несомненно к свету. Сколько тут фигур, прямо легших пластом, отказавшихся идти вперед; сколько тут умирающих и жалобно воющих на каждом шагу, сколько бодрых, смелых, настоящих, сколько злых, оскаливших от злости зубы! И все это – рвущееся с пути, разбешенное, немощное, все это рвется с дороги только потому, что это – новая дорога, новая мысль, и злится только потому, что не может или не хочет помириться с новой мыслью. Словом – все это скопище терзается или радуется и смело идет вперед потому только, что над всем тяготеет одна и та же болезнь сердца, боль вторгнувшейся в это сердце правды, убивающая и мучающая одних и наполняющая душу других несокрушимою силою. Минута, ожидающая сильный и могучий талант, который, несомненно, должен родиться среди такой массы глубоких сердечных страданий.

Так именно осмеливается разглагольствовать моя растрепанная подруга, записная книжонка, и, не претендуя на самомалейшую возможность даже попробовать рисовать эту удивительную картину, тем не менее по силе возможности всегда готова представить сценку, заметку или случайно встреченный факт. Указывает она, например, на такое очень часто повторяющееся явление: общественный деятель. Человек, долгие годы работавший над тем, чтобы в душное время полнейшей засухи достать хоть капельку свежей воды, рывшийся до нее сквозь каменные слои, называющиеся «нельзя, не смей»; проникавший за нею сквозь сыпучие пески, называющиеся «Не надо, не нужно, на что нам»; человек, наконец добившийся этой капли воды с невероятными трудами, накачивавший ее своим маленьким поршнем из своего маленького насоса, – что значит, что этот человек вдруг начинает роптать на тех, для кого он работал и кого поил, роптать и браниться именно тогда, когда с такими трудами добытая им живая вода делается всеобщим достоянием?.. А между тем такой факт встречается поминутно, и нельзя ничем другим объяснить его, кроме вышесказанной внезапности появления живой воды. Вчера человек в поте лица добывал каплю этой воды, да и этой капли было много, а сегодня, благодаря позволению, воды нахлынуло столько, что и насос вылетает с корнем, и поршень начинает упираться от ее напора, и сам общественный труженик унесен, как щепка, этим вдруг нахлынувшим всюду потоком. И вот, погибая, он вопиет против губящей его стихии, которую сам же всю жизнь вызывал на божий свет. Факт очень частый и ничем другим не объяснимый.

Указав на факты, подтверждающие именно внезапность пришествия новых идей, памятная книжка в подтверждение того, что эта внезапность захватывает *всех*, и притом врасплох, также представляет аргументы по силе возможности. В то время как нахлынувшие волны уносятся, как щепку, действительного и много потрудившегося работника, заставляя его роптать на то, что от всей его деятельности не осталось и праху, тут же рядом с ним этот же поток несет по тому же самому направлению толпы не только не работников, не только не деятелей, но, очевидно, людей приневоленных: кто не знает этого визгу о собственном ничтожестве, этого воя о собственной немощи, ежеминутно оглашающих дни наши то там, то сям? Книжонка может привести множество примеров, из которых явствует, что человек, гонимый новым временем, ничего не издаст, кроме визгу, ничего не сделает, кроме именно «самого старого», и, ознаменовывая каждый приневоленный шаг разного рода скверностями, ни на минуту не перестает оплакивать эти скверности, сокрушаться о них, продолжая делать их ежеминутно и ежеминутно о них визжать... Как попал бы сюда, на эту новую дорогу, этот совершеннейший обломок старого, если бы его неожиданно, «хочешь-не-хочешь», не унесло сюда?

Если всякому знакомы эти визжащие фигуры, приводимые моей книжонкой в пример всеобщности движения, то точно так же должны быть знакомы и фигуры другого рода, подтверждающие то же положение: это – фигуры людей, знающих, что время уносит их по настоящей дороге, и с страшною силою воли заглушающих в себе все, что в натуре их, в их привычках, в воспитании есть враждебного этому новому пути. Книжонка указывает на множество типов людей немолодых, которые вяжут в себе старое по рукам и по ногам, чтобы служить новому, хотя обыкновенно служат недолго, потому что постоянная война с самим собой раз-

рушает тело и мозг. Работники, взявшиеся за работу потому, что некому, потому, что *надо* стоять на этой работе кому-нибудь, ставшие на работу потому, что *нельзя* не работать, нельзя не служить делу, для которого еще нет настоящих работников, такие работники – довольно-таки приметные фигуры в этом громадном движении к свету. И, к счастью, в такого рода людях на русской земле нет недостатка. Книжонка указывает на кротких, как агнцы, людей, людей, неспособных обидеть мухи, которые, однако, являлись перед публикой, например в печати, чуть не кровопийцами, и являлись потому только, что *надо* было являться такими, потому что настоящих не являлось. Книжонка указывает на множество людей, заглушавших в себе кротость для необходимой в данную минуту вражды со злом; заглушавших в себе отвращение для необходимой теперь именно потому-то и потому-то любви... Все это, конечно, не первый сорт, не первый номер, но все это говорит о появлении новой мысли врасплох, говорит и о силе и неотразимости этой мысли, заставляющей людей переламывать, уничтожать в себе врожденное несочувствие к ней...

Эту движущуюся по новому пути толпу людей, большую часть вовлеченных туда невольно, неожиданно, хочешь-не-хочешь, книжонка заканчивает указанием, с одной стороны – на типы, все понимающие и ничего не могущие, с другой – на типы, ровно ничего не понимающие, но *подавленные всем вообще*. На одном из составляющих книжонку лоскутов значится следующее: «В настоящее время очень дорог человек, с которым можно свободно молчать, то есть думать не разговаривая, и притом так, чтобы молчаливый гость не просто молчал, а тоже постоянно бы думал, но не говорил, так как разговор при таком положении дела всегда оказывается чистым вздором и только конфузит обоих». Не знаю, по какому именно случаю записаны эти слова и кем именно произнесены они, только фигуры людей, в полном смысле *глубокомысленно молчащих*, мне очень коротко знакомы. Не раз встречался мне человек пожилой, много думавший, видевший много, знающий все, что выдуманно мыслью относительно будущего, знающий все, что выдуманно тою же мыслью относительно невозможности этого будущего, сознающий, как все это верно и глубоко, и ежеминутно убеждающийся, что из всего этого, как ни кинь – все клин. Я встречал людей, молча обедающих друг с другом часа два-три, молча идущих по улице целые версты и знающих, что они *обо многом* молчат в это время, даже как бы разговаривающих молча. Такой тип – всегда старик, у которого жизнь прожита, а остался один голый ум. Благодаря кой-какому достатку сидит он где-нибудь в своей квартире у окна, или тихо идет по улице, или чужим толчется на чужой стороне и все молчит, и целые томы можно бы написать о том, «о чем он молчит».

А вот другой, совершенно ничего уже не умеющий сообразить, но *всем* подавленный человек. В прошлом году зимой явился в Париж мещанин Б – в, приказчик чайного магазина. Как добрался он сюда – решительно непонятно; ни на каком языке он не говорил ни одного слова, кроме русского. Это был молодой человек самой ординарной наружности приказчика, довольно чисто выбритый, по-гостинодворски одетый, очень кроткий, непьющий и на вид вовсе не больной, хоть и задумчивый. Зачем он явился в Париж? Он хорошенько не мог объяснить, хотя, кажется, желал бы сказать многое, но, очевидно, не мог... Не объяснив ничего относительно появления своего в Париже, он обыкновенно замолкал, смотрел в землю, тер ладони и вдруг скороговоркой произносил: «Больше ничего... застрелюсь!» В гостинице, где он остановился, смерти его ждали со дня на день, и все ходили беспрестанно в его номер. Пришел и я. Я начал разговаривать с ним о чайном деле: долго ли он служил, сколько получал жалованья, выгодное ли это дело? Б – в говорил, отвечая на мои вопросы вполне определенно и ясно. Он даже увлекся и с жаром принялся расписывать, какие штуки употребляются для подделки чаю, как лучше всего обанкрутиться и т. д. Он оживился, и ни единой капельки какой-нибудь болезни не было заметно ни в его глазах, ни в его лице. Невозможно было представить себе, чтобы у этого, так всецело поглощенного своею торговою специальностью, человека была хоть тень мысли о самоубийстве. Но на беду господин (тоже русский),

бывший в то же время со мной, совершенно неожиданно прервал разговор, сказав: «Нет, вы спросите-ка, отчего он застрелиться-то хочет!» Вопрос этот был сделан, очевидно, в шутку, но Б – в вдруг изменился. «Ну уж и стреляться!» – сказал я. «Ничего не поделаешь!» – как бы в отчаянии произнес, изменившись в лице, бедный Б – в и стал объяснять, почему именно ничего не поделаешь... Найти в этих объяснениях какой-нибудь смысл или хоть чуть-чуть понять – не было никакой возможности. Если бы удалось стенографически записать все, что он говорил, и потом тщательно все перечитать и передумать, то и тогда едва ли бы получились какие-нибудь мало-мальски удовлетворительные результаты... Вот примерно, как он говорил и что именно: «Потому, такая линия... Что ж делать!.. (Молчание.) Одного платья сколько было – панталонов одних летних шесть пар, у Корпуса¹... да что! Тьфу... Неужели из-за этого?.. Господи помилуй! вот уж стоит!.. тьфу! (Молчание.) Нет! а есть над человеком перст – вот что!.. Теперь я приказчиком, все хорошо... Приглашали к Пеструхину на Невский на семьдесят пять рублей... и с удовольствием принимали, – сам не захотел!.. потому что... да что! Места! Вот уж наплевать-то!.. (Молчание.) Изволили бывать в Академии художеств? Ну, так там есть одна картина... представлено, как страдает невинная девица в молодом своем возрасте и как невинно... Ну, не стоит и говорить... Перст! Нет, тут особая штука... У меня это все нарисовано на плане... (Плана он не показал, а сказал: все особенное.) А то места, панталоны!.. Господи, очисти живота от всего от этого... Одно осталось – музыка, оркестр, серьезная игра!.. Послушать и помереть – вот! (Молчание.) А вот что правды нет ни капли – так уж это с тем возьмите! Перст!.. Ловки, очень ловки они!.. Боже сохрани, какая канитель!.. Вы только посудите одно: был я на цветочной выставке и вижу растение, фиалку... И думаю: столь удивительно хорошо, столь премудро, или, напротив того, возьмем человека, положим, хоть меня: прихожу к хозяину: «позвольте получить за два месяца...» да нет, нет – тут болтать нечего! Что пустое разговаривать... Послушаю музыки и с богом – на тот свет!» Вот примерно как и в каких выражениях этот бедный человек объяснял причину необходимого для него самоубийства. Слушая его, я ничего не понимал, но не мог не видеть, что в его бедной голове толпилось многое множество нежданных, негаданных мыслей, целой тучей нахлынувших в его бедную, слабую голову, искалеченную узкой специальностью. Какой случай внес в его сознание эти совершенно для него непереваряемые мысли – я не знаю; очень может быть, что это была какая-нибудь практическая неудача, рана, нанесенная мелкому самолюбию; но что мучения его были серьезны и ничего «просто свинского» не заключали – это можно видеть и из его бессвязного разговора и из факта его действительного самоубийства. Б – в застрелился осенью того же года в Павловске. О смерти его напечатано в дневнике происшествий всех русских газет за сентябрь месяц прошлого года.

Около этих четырех-пяти главных фигур – труженика мысли, погибающего в общем стремительном потоке движения и ропщущего на него; человека, уныло воющего, оплакивающего свои несовершенства и ежеминутно эти несовершенства предьявляющего; того, который ломает в себе все не идущее к задаче, считаемой им за подлинное дело; того, кто молчит и думает, не видя для себя никакого исхода; и, наконец, того, кто не умеет думать, а прямо поражен, задавлен и разбит всем полчищем нахлынувших на его бедную голову мыслей, – около этих главных фигур группируется бесчисленное множество разновидностей, в которых не трудно узнать при некоторой внимательности черты, сходствующие с вышеприведенными, особенно заметными типами. Один не воеет вслух, воеет внутри себя; другой хотя и чувствует, что его несет, сорвало, но не показывает виду, а притворяется, будто даже очень рад, хотя и тот и другой в сущности испытывают точно то же, что и те, которые воплями и ропотом, не церемонясь, оглашают каждый шаг, делаемый ими на новом пути. Все это – как разновидности, так и главные представители разновидностей – все это составляет ту массу идущего по

¹ Корпус – фирма Герман Корпус, известный магазин готового платья в Петербурге.

новому пути народа, который загнан на этот путь неожиданно ставшими необходимостью идеями простоты и правды. Все это идет страдая и болтая, упираясь и падая на пути, негодуя и злясь. Все это попало в лапы новым идеям и, хочешь-не-хочешь, своими глубокими страданиями, своим глубоким негодованием свидетельствует о том, что эти новые идеи, эти новые потребности сердца пришли, вот тут где-то, и идут всё ближе и ближе. Можно *на них* лаять, можно *от них* рваться, можно *их* опровергать, можно на них просто плевать, притворяться, что не видишь, можно просто не видеть их; но лаять, негодовать, бежать, опровергать, словом, проделывать все вышеизображенное «без них» – никак уж невозможно.

II

Все эти толпы больных, страдающих, стонущих и проклинающих, на которые указывает памятная книжка в подтверждение вывода, что настоящее время более всего страдает «сердцем», весь этот трудно занемогший народ не составляет, однако ж, еще главного в общей картине этого необыкновенного нравственного движения, которое к тому же большею частью насильно втянуло его в себя. Вся беда этого народа заключается почти только в борьбе с самим собою, с собственными ненужными, мешающими освеженному сознанию старыми привычками. Несомненная трудность этой борьбы, громадность массы народа, захваченного ею, могут свидетельствовать только о том, что в сознание русского человека вошло нечто большое, небывалое, что это небывалое – сильно и велико. Но ни громадность захваченной небывалым толпы, ни самые размеры страданий не могут убедительно доказать наблюдателю, что «новое и небывалое» – явление вовсе не случайное, а напротив – неизбежное. Поэтому все муки и хлопоты, свалившиеся на случайно захваченного в движение неплательщика, состоят как бы в отвиливании, в придумывании разных штук, чтобы как-нибудь обойти, дать другое направление уносящему его потоку. Мысль его постоянно работает над всевозможными средствами, которые бы облегчили ему эту борьбу, он постоянно норовит что-то где-то устроить, учредить, сделать сначала то, а лет через пятьсот это, тогда как все дело и вся беда заключается в нем самом, и не позже, как сию минуту, и время требует переделки не на стороне где-то, не в каком-то чужом углу, а тут, в сердце самого неплательщика, куда с такою настойчивостью пробирается идея хотя бы «полнейшей простоты и правды» в человеческих отношениях. А эта идея действительно идет, вырастает сама собою и уже имеет в своей власти число сердец, ничуть не меньшее числа случайно занемогших и захваченных движением неволью. Памятная книжка дает немало указаний и на таких людей, у которых уже нет никакой нравственной связи ни с чем прошлым, у которых ни капли нет себя для себя, у которых есть только одно: невозможность существовать, не глядя действительности в лицо прямо и смело и не повинуюсь одной только сущей правде. Это – не специалисты новых идей и новых дел, знающие доподлинно, что и к чему; нет, это – простые, очень часто необразованные люди, стоящие на новом пути почти одиноко; но люди, которые могут чувствовать только совершенно правдиво и только повинуюсь владеющей их сердцем правде, которые идут... куда? я не знаю. В появлении их на свет нет никакой случайности, нет никаких посторонних влияний; напротив, это – продукт самый чистый и самый последовательный недавнего прошлого, продукт, явившийся именно там, где прошлое особенно блистало своими наинепривлекательнейшими сторонами. Беру из моей книжки наудачу небольшой отрывок, записанный со слов одного русского человека, лет под тридцать, встреченного мною за границей года два тому назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.